

Historical Research award of the Management emigration UNR - introduction of new awards exile government and rewarding practice.

Keywords: Award system, UPR, UPR emigration, the Order of Liberation, Simon Cross Petlyury, UNRrada, Military Cross.

УДК 930.1:618.39(47)"1920/1930"

И. М. Мирошниченко, Е. В. Стяжкина

АБОРТНАЯ ПОЛИТИКА В СССР В 1920-30-Е ГОДЫ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

У статті подається аналіз основних вітчизняних та зарубіжних досліджень з питання абортної політики у Радянському Союзі в 1920 – 1930-ті роки. Охарактеризовано особливості розробки цієї теми за радянських часів та в сучасній історичній науці. Визначено місце проблеми абортів в історико-демографічних, соціально-історичних, гендерних дослідженнях, специфіку розкриття її окремих аспектів.

Ключові слова: абортна операція, народжуваність, контрацепція, соціальна політика, демографічні процеси.

Феномен аборта как основного регулятора процесса воспроизводства населения в Советском Союзе и как фактора социально-демографической политики получил достаточно широкое освещение в отечественной и зарубежной науке. Советское государство первым в мире (1920 г.) легализовало процедуру искусственного прерывания беременности. Однако данная властью женщине репродуктивная свобода, принесла существенные морально-демографические проблемы, а потому достаточно скоро перестала вписываться в рамки «идеального» советского общества, созданием которого власть особенно активно занялась после партийных пертурбаций конца 1920-х годов. Итогом поиска новых форм социальной и демографической политики стало абортное табу 1936 года. Запрет на искусственное прерывание беременности, принятый «по просьбам трудящихся», в конечном итоге не стал источником новых практик репродуктивного поведения, а скорее способствовал тому, что «абортная культура» (термин А. Попова), как в легальных, так и в незаконных формах, превратилась в главный инструмент регулирования рождаемости.

Исходя из масштабности и значимости проблемы, с учетом глубины ее изученности, представляется необходимым анализ и систематизация достижений отечественных и зарубежных ученых с целью выявления малоизученных аспектов и определения перспектив дальнейшего исследования роли аборта в советских социально-демографических процессах. Цель данной статьи – выяснить степень изученности проблемы аборта в Советском Союзе 1920 – 1930-х годов путем анализа основных наработок советской и современной историографии.

Специфика изучения основных аспектов абортной операции в советский период состоит в том, что данная проблема имела право быть обсуждаемой с исключительно медицинской точки зрения. Итоги общественной дискуссии о запрете аборта были подведены Ароном Сольцем [1], старым большевиком, именуемым в партийных кругах «совестью партии» и Николаем Семашко, наркомом здравоохранения [2]. А. Сольц, в частности, писал: «Аборт – это злое наследие того порядка, когда человек жил узколичными интересами, а не жизнью коллектива... В нашей жизни не может быть

разрыва между личным и общественным. У нас даже такие, казалось бы, интимные вопросы, как семья, как рождение детей, из личных становятся общественными. Советская женщина уравнена в правах с мужчиной. Для нее открыты двери во все отрасли труда. Но наша советская женщина не освобождена от той великой и почетной обязанности, которой наделила ее природа: она мать, она родит. И это, бесспорно, дело большой общественной значимости» [3].

Социальный аспект абортной политики был исключен из научного дискурса, а порядок рассуждения проблемы стал строго медикализированным. Можно констатировать, что врачи-гинекологи (или «организаторы здравоохранения») оказались единственными представителями научного мира, которым разрешалось анализировать проблему аборта в контексте его негативного влияния на здоровье женщины. Следует отметить, что даже после отмены абортного табу (1955 г.) акцент научного дискурса изменился мало [4]. Можно констатировать, что тема искусственного прерывания беременности стала «теневой», замалчиваемой проблемой, как и многие другие темы, связанные с телесностью, здоровьем, сексуальной и репродуктивной сферой человека. Будучи отнесенной к разряду «нежелательных к обсуждению тем», статистика аборт в СССР вплоть до 1980 годов относилась к числу «секретных сведений» [5]. Статистические сборники «Аборты в 1925 году» и «Аборты в 1926 году» стали первыми и последними публикациями сведений об абортах [5]. Данная тема как предмет самостоятельного исследования была фактически закрыта вскоре после введения запрета на совершение абортной операции. Проблема искусственного прерывания беременности рассматривалась только как часть других – социально значимых и социально одобряемых научных проблем. К их числу можно отнести работы по исторической демографии, медицинской и демографической статистике и т.п. [6].

В 1969 году была опубликована книга известной советской социал-гигиенистки и медицинского демографа Е.А. Садвокасовой. В своей работе «Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи» Е.А. Садвокасова впервые четко сформулировала основные тенденции развития абортной сферы, проанализировала эффективность ее властного регулирования и поставила вопрос об альтернативных методах контроля над фертильностью [7]. Ее исследования по данной проблеме стали базовым элементом большинства последующих исторических и демографических трудов этой тематики.

В 1970 году вышла в свет В.В. Паевского «Вопросы медицинской и демографической статистики», в которой анализировались тенденции рождаемости и была приведена статистика аборт в середине 1920-х годов. Анализируя репродуктивное поведение женщин, В.В. Паевский пришел к выводу о том, что уровень рождаемости сельских женщин свидетельствовал об отсутствии широкого распространения практики «волевого ограничения рождаемости». А модель городского репродуктивного и антирепродуктивного поведения в тот же период характеризовалась куда более либеральными тенденциями [8].

В современной историографии проблема искусственного прерывания беременности как способа репродуктивного поведения приобрела новое звучание, что обусловлено расширением проблемного поля исследований, снятием идеологических табу, пробуждением интереса к истории человека и повседневных практик. В центре внимания исследователей находится, прежде всего, законодательный зигзаг в отношении данной операции, когда в условиях завершающейся гражданской войны аборт был узаконен, но по прошествии всего 16-ти лет полностью запрещен.

Ключевое место в актуализации проблемы занимают работы демографической направленности, где картина эволюции советской абортной политики (от абсолютной свободы применения данной операции до полного ее запрета с анализом реальных

последствий подобного виража) охарактеризована с точки зрения его влияния на демографические процессы в советском государстве. Среди них особое место занимает коллективное исследование сотрудников Центра демографии и экологии человека ИМП РАН «Демографическая модернизация России: 1900–2000» [9], представляющее собой работу обобщающего характера, где проблема аборта впервые комплексно рассмотрена в пространственно-временном измерении.

Авторы академического исследования пришли к выводу о том, что беспокойство власти в связи с проблемой аборта, возраставшее по мере снижения показателей рождаемости, быстро поставило свободу аборта под сомнение, что сразу нашло отражение в официальном дискурсе и завершилось принятием антиабортного постановления в конце июня 1936 года. Однако даже столь радикальные меры регулирования ситуации не дали существенных результатов, поскольку положительный эффект от их применения был весьма кратковременным, и быстро сменился расцветом теневых практик прерывания беременности, перемещением его в нелегальную сферу, что обуславливалось оторванностью реальных условий жизни от декларируемых властью, при которых аборт как средство разрешения проблемы незапланированной беременности для большинства семей был единственным выходом [9].

Сходные позиции по отношению к проблеме аборта в советском государстве характерны для демографа и социолога И.И. Белобородова. Автор расценил легализацию прерывания беременности, как меру, которая «содействовала распространению антинатальных социальных норм, связанных с внутрисемейным контролем над рождаемостью, и давала толчок к развитию и использованию иных методов такого контроля» [10]. И.И. Белобородов также отметил кратковременность положительного воздействия на репродуктивные процессы правительственного запрета абортации, поскольку «в условиях снижавшейся потребности населения в детях, которая для воспроизводства населения является определяющей переменной, ограничения в отношении прерывания беременности не являлись мерой, способной надолго обеспечить рост рождаемости и уж тем более сформировать потребность в более высоком числе детей» [10].

По мнению историка-демографа В.А. Исупова, правительственный запрет абортов 1936 г. «отчетливо выявил главные противоречия советской квазидемографической политики». Руководство СССР стремилось к максимально высоким темпам роста населения, но, вместе с тем, сталинская социально-экономическая стратегия, в особенности курс на форсированное развитие тяжелой индустрии и насильственную коллективизацию, объективно способствовала снижению интенсивности рождаемости. Государство было заинтересовано в максимальном использовании женского труда, что предполагает ограничение рождаемости, но в то же время не заботилось о выпуске контрацептивов. Таким образом, оно всей своей политикой подталкивало женщин к искусственному прерыванию беременности и одновременно запрещало аборты, на словах декларируя семейные ценности [11]. В подобных условиях, по мнению В.А. Исупова, запрет абортов мог иметь только кратковременный шоковый эффект. Реальными его последствиями стали эпидемия подпольных абортов, высокие показатели женской смертности и увеличение числа детоубийств, причем, последнее автор назвал «непосредственным и самым жестоким последствием постановления». Смертность вследствие нелегальных абортов в городских поселениях СССР в 1938–1939 гг., достигала 12,7 случаев на 100 тыс. женщин в возрасте 15-19 лет [11]. Усилия сталинского правительства максимально повысить число детей в семье вступили в острый конфликт с объективными законами развития демографической сферы и оказались несостоятельными [11]. Сталинский «демографический ренессанс» 1935–

1938 годов еще до начала кризиса, вызванного военными конфликтами, быстро сошел на нет [11].

Проблему отсутствия каких-либо иных кроме аборта внутрисемейных регуляторов рождаемости в Советском Союзе проанализировала в своей статье «Аборт – кривое зеркало демографической политики» В.И. Сакевич. Характеризуя период запрета на искусственный аборт (1936–1955 гг.), автор особо отметила процесс фактического свертывания работы по пропаганде и развитию контрацепции в стране. Обучение применению противозачаточных средств было исключено из числа обязанностей врачей женских консультаций, была ликвидирована Центральная комиссия по борьбе с абортами, прекратилось печатание статей и популярных изданий по этому вопросу. На протяжении 20-летнего периода запрета аборт в СССР почти не занимались вопросами развития и совершенствования контрацепции [12]. Законодательный запрет аборта, по мнению автора, не привел к ожидаемым результатам именно в силу указанной причины; параллельно с падением темпов рождаемости возрастала материнская смертность и число случаев детоубийства [12], что впоследствии вынудило власть снова легализовать абортную операцию.

Вопрос контрацептивной ситуации в советском государстве также является центральным в статье известного социолога и сексолога И.С. Кона «Аборт или контрацепция?». Выводы автора однозначны – ничего, кроме искусственных аборт, советская медицина в качестве метода планирования и регулирования рождаемости женщинам не предложила [13]. Единственной же альтернативой искусственному аборту со всеми его опасными последствиями могло быть лишь создание эффективных противозачаточных средств [13].

Таким образом, в историко-демографических исследованиях прочно закрепилось суждение о неэффективности абортного табу как средства повышения демографических показателей. Все демографы сходятся во мнении, что охранительные меры без разрешения самих основ проблемы не могли дать ожидаемого положительного эффекта, вызвав лишь смену акцентов и перемещение аборта «в тень». Пронаталистский курс государства, не подкрепленный соответствующей материальной базой, даже при наличии необходимых законов, не мог быть успешно воплощен в жизнь, поэтому реальные демографические показатели существенно отставали от желаемых.

Среди исторических работ, посвященных советским абортным практикам в 1920–1930-е годы, следует отметить статью Н.Б. Лебиной «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...» «Абортная политика как зеркало советской социальной заботы» (М., 2007). Автор, рассматривая эволюцию позиций государства и общества в отношении аборта, отметила, что в связи с нарастающим процессом модернизации, повлекшим за собой изменение ментальных норм общества, еще в начале XX века, при самодержавном строе началось становление аборта в качестве «несанкционированной нормы повседневной жизни» [14]. Изменение настроений общества, особенно в городе, в сторону признания аборта «в качестве легального способа регулирования рождаемости», по мнению, автора, «во многом явилось основанием для превращения абортной политики в сферу социальной заботы нового государства» [14].

Последовательно рассматривая процессы легализации и запрета аборта, при перечислении причин последнего Н.Б. Лебина акцентировала внимание на беспокойстве власти по поводу «роста степени свободы населения в частной сфере» [14]. Игнорируя вопрос о контрацептивах, власть оставила женщине в качестве единственного способа регулирования рождаемости аборт без наркоза, превратив производство этой операции в своеобразную индустрию, введя за нее плату и последовательно повышая ее вплоть до официального запрета аборта [14].

Закон о запрещении искусственного прерывания беременности Н.Б. Лебина охарактеризовала как «драконовский», давший власти «еще один мощный рычаг управления частной жизнью граждан» [14], но не принесший ей ожидаемых результатов в желаемом масштабе. Основную причину подобного поворота в отношении абортации автор видит в необходимости внедрения таких норм интимной жизни, которые устраивали бы политическую систему сталинизма, поскольку посредством подавления естественных человеческих чувств идеологией рождается фанатизм почти религиозного характера, находивший выражение в безоговорочной преданности лидеру [14], являвшей собой один из основополагающих элементов тоталитарного режима.

Работа Н.Б. Лебиной представляет собой анализ исключительно городских абортных практик, исследовательница отметила меркантилистский аспект правительственной политики в отношении аборта и четко определила его место в повседневной жизни советской женщины.

Проблема аборта как естественной составляющей женского опыта в советском обществе стала также предметом гендерной риторики. Е.А. Здравомыслова в работе «Гендерное гражданство и абортная культура», рассматривая проблему искусственного прерывания беременности как одну из ключевых характеристик гендерного, прежде всего, женского гражданства, отметила, что политика в отношении абортации являлась одним из базовых аспектов государственного конструирования советской женственности.

В процессе характеристики комплекса репрессивных государственных мер в сфере сексуальности и репродуктивных прав исследовательница представила анализ агитационной кампании в советских женских журналах, предварявшей указ о запрещении абортной операции [15]. В центре кампании стоял антиабортный дискурс, причем, позиция тех, кто поддерживал идею сохранения за женщиной права на аборт, однозначно осуждалась с точки зрения как науки, политики, так и здравого смысла. Е.А. Здравомыслова выделяет несколько групп экспертов, единодушно противившихся сохранению аборта. Среди них врачи-гинекологи, многодетные матери и матери-одиночки, партийно-профсоюзные активисты и ударницы труда, считавшие, что аборт непременно влечет за собой разрушение семьи, бездетность и личное несчастье женщины, не удовлетворившей базовый материнский инстинкт. В материнстве отныне заключалась гражданская доблесть женщины, а бесплодие как частое последствие аборта рассматривалось в контексте социального бедствия. В целом, рост абортации трактовался в качестве угрозы безопасности государства, поскольку вел к снижению рождаемости [15].

Исследовательница отметила выделение в ходе дискуссии целой категории «морально деградировавших, чуждых советскому строю женщин, которые настаивают на аборте «без всяких оснований» либо на основании того, что у нее уже есть ребенок». Эти женщины сразу приобретали клеймо «сексуально распущенных и некультурных гражданок». Ярлык врага навешивали также врачам-частникам, несознательным мужьям, свекровям, «плохим подругам», которые характеризовались как «несознательные граждане», бесчестно относящиеся к женщине и подстрекающие ее на аборт [15].

Собственно абортное табу в процессе дискуссии репрезентировалось, по словам, Е.А. Здравомысловой, «как гарант счастья и радости натурализованного материнского гражданского долга». В основу женского гражданства было положено принудительное материнство, и проведенная в прессе агитационная кампания относительно запрета абортации явилась «оправданием репрессивного регулирования деторождения» [15].

Определенное внимание проблемам советской политики в социально-демографической сфере уделялось также зарубежными исследователями. Специфическая роль аборта как основного и фактически единственного регулятора прироста населения в Советском Союзе, вызвала активный интерес у представителей западной историографии. За рубежом вопросы абортной практики в Советском Союзе непосредственно в момент наиболее активного вмешательства государства в данную сферу социальной политики рассматривала Элис Визроу Филд в своей работе «Защита женщин и детей в Советской России», изданной в 1932 году. Характерной ее особенностью является собственно анализ правительственного разрешения на аборт без его последующих трансформаций и замены запретительным законом. Исследовательница выявила комплекс причин, вызвавших в октябре 1920 года соответствующее постановление. Главными среди них, согласно результатам проанализированных ею соответствующих опросов, были неудовлетворительное финансовое положение женщин, угроза потери здоровья и места работы вследствие частых родов. Аборт выступал единственным средством решения проблемы нежелательной беременности, совершался тайно без надлежащей медицинской помощи, поскольку подобные действия рассматривались властью и церковью как аморальные, противозаконные и жестоко преследовались [16].

По мнению автора, после революции 1917 года женщины изъявили желание легализовать их право на искусственное прерывание беременности, отказ им в этом повлек бы новый всплеск подпольных аборт, и, соответственно, женских смертей от некачественно произведенной операции. К тому же, несмотря на усилия советских ученых-медиков, каких-либо иных качественных средств для устранения проблемы нежелательной беременности не существовало. Все это и подтолкнуло советскую власть к столь радикальному шагу [16]. Тем не менее, врач обязан был предупреждать женщину о возможных тяжелых последствиях операции и отказывать в ее совершении, если беременность была первой [16]. Подобный односторонний подход к анализу причин и последствий феномена легализации аборта не раскрывает в полной мере его истинную роль и значение в контексте замаскированного под заботу контроля государства над обществом.

Вопросы абортной культуры в советском государстве и социуме анализировали в своих работах Венди Голдман и Шейла Фицпатрик.

Особенности инспирированной правительством «народной» дискуссии по вопросу о необходимости запрета аборта проанализированы Шейлой Фицпатрик. Идея передачи закона «на широкое обсуждение» трудящихся не встретила у них, по мнению автора, большого энтузиазма в этом процессе и само обсуждение проходило своеобразно. Акцент делался на материальные проблемы, мешающие женщине познать радость материнства, и практически не затрагивалась моральная сторона вопроса – «право плода на жизнь» и право женщины на контроль над собственным телом. Все участники дискуссии исходили из убеждения, что любая женщина непременно желает быть матерью, и сходились на том, что разрешать аборт следует в ограниченных случаях, причем перечень этих случаев был довольно широким. Однако по официальном выходе закона оказалось, что очевидное неприятие идеи тотального запрета на аборт в обществе не было принято во внимание властью, поступившей исключительно по своему усмотрению, что в очередной раз продемонстрировало популистский характер идеи «обсуждения» заранее готового закона [17].

Венди Голдман подвергла анализу социальный и возрастной состав, материальное и семейное положение, уровень здоровья женщин, совершавших аборт, и пришла к выводу, что более всего эта операция была популярна среди горожанок от 20 до 29 лет, уже имевших ребенка и вместе с тем опыт совершения аборта ранее, испытывавших серьезные материальные затруднения, замужних и до совершения аборта вполне

здоровых. Автор особенно отметила тот факт, что, несмотря на легализацию данной операции, практика «подпольного» аборта была довольно популярной в течение всего периода его законного существования [18].

Проанализировав «женские аргументы» против юридического запрета на совершение данной операции, В. Голдман на первое место среди них поставила опасения большинства женщин потерять «свою полную свободу». Желание учиться, работать, реализовать себя на общественном поприще часто вступало в противоречие с функцией материнства, и немало женщин готовы были пожертвовать последней ради реализации своих жизненных планов. Однако высшее руководство страны не разделяло подобного мнения, пойдя по пути ограничения репродуктивной свободы женщины в целях повышения рождаемости [18].

В целом, краткий историографический анализ советской абортной политики в 1920–1930-е годы выявляет не достаточно высокую степень изученности этой проблемы в современной исторической литературе, что объясняется как недостаточным кругом источников по проблеме, так и сохранением академического предубеждения к темам, связанным с телесностью и репродуктивными практиками человека. Особую роль в спектре исследований по данной тематике играют историко-демографические работы, в которых данная проблема получила наиболее полное и широкое освещение.

В центре исторической дискуссии об абортах находятся вопросы юридического статуса данной операции, ее роли в социально-демографических процессах и контроле государства над обществом. Феномен аборта в контексте советской модели женственности на сегодняшний день является неотъемлемым элементом гендерного дискурса. В то же время характерным для современной историографии «абортного» вопроса является ее «городская» направленность, при которой абортные практики в сельской местности выпадают из поля зрения исследователей. Более пристального внимания требуют спектр и масштабы последствий абортного табу. Приоритетным в дальнейших исследованиях данной проблемы может стать региональная специфика реализации абортной политики и особенности ее восприятия населением конкретной местности.

Список использованной литературы

1. Сольц А. Аборт и алименты / А.Сольц // Труд. – 1937. – 27 апр. (№ 97).
2. Семашко Н. Какой замечательный закон! (К отмене аборт в СССР) / Н.Семашко // Медицинский работник. – 1937. – 16 июля.
3. Цит. по: Сакевич В.И. Что было после запрета аборта в 1936 году? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/2005/0221/reprod01.php#_FNR_1 – 12.03.2012.
4. Петченко А. И. Акушерство. – К., 1954; Сердюков М. Г. Чем вреден и опасен аборт. – М., 1954; Тимошенко Л. В. Про шкідливість аборту. – К., 1956; Кочергинский А. З. Что надо знать об аборте и его последствиях. – Кишинев, 1956; Никончик О. К. Аборт и его последствия. – М., 1956; Бодяжина В.И. Учебник акушерства. – М., 1958; Никончик О.К. Проблема контрацепції і організація боротьби з абортами в СРСР // Акушерство і гінекологія. – 1959. – № 6.
5. Демографическая модернизация России: 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. – М. : Новое изд-во, 2006. – С. 199–215.
6. Корчак-Чепуркивский Ю.О. Избранные демографические исследования. – М., 1970; Хоменко А.П. Семья и воспроизводство населения // Избранные произведения. – М., 1980; Томилин С.А. Демография и социальная революция. – М., 1973; Курман М.В., Лебединский И.В. Население большого социалистического города. – М., 1968.

7. Садвокасова Е.А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи / Е. А. Садвокасова. – М. : Медицина, 1969.
8. Паевский В. В. Вопросы медицинской и демографической статистики / В. В. Павеский. – М., 1970. – С. 316–317.
9. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Г. Вишневого. – М. : Новое изд-во, 2006. – 608 с.
10. Белобородов И.И. Аборты в России: история, последствия, альтернативы [Электронный ресурс] / И. И. Белобородов. – Режим доступа: http://www.demographia.ru/articles_N/index.html - 04.12.2012.
11. Исупов В.А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века: Историко-демографические очерки / В. А. Исупов. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – С. 131–135.
12. Сакевич В.И. Аборт – кривое зеркало демографической политики [Электронный ресурс] : доклад на семинаре в Центре демографии и экологии человека, 22 окт. 2001 р. / В. И. Сакевич // Демоскоп Weekly. – 2003. – 25 авг.–7 сент., № 123–124. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0123/analit01.php>.
13. Кон И.С. Аборт или контрацепция? [Электронный ресурс] / И. С. Кон // Сексуальная культура в России: клубничка на березке. – Режим доступа: <http://sexology.narod.ru/chapt611.html> – 17.03.2012.
14. Лебина Н.Б. «Навстречу многочисленным заявлениям трудящихся женщин...» Абортная политика как зеркало советской социальной заботы // Советская социальная политика 1920–1930-х годов: идеология и повседневность / под ред. П. В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. – М. : Вариант, ЦСПГИ, 2007. – С. 228–241.
15. Здравомыслова Е.А. Гендерное гражданство и абортная культура [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 8–21 февр. 2010 р., № 409–410. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0409/analit01.php#_FN_1 – 09.03.2012.
16. Field Alice Withrow. Protection of Women and Children in Soviet Russia [Электронный ресурс]. – Е.Р. Dutton, 1932. – Режим доступа: <http://www.marxists.org/reference/archive/field-alice/protect/ch04/html> – 03.03.2012.
17. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик ; [пер. с англ. Л.Ю. Пантина]. – 2-е изд. – М. : РОССПЭН, 2008. – С. 183–187.
18. Goldman W. Women, Abortion, and the State, 1917–36 // *Russia's women: accommodation, resistance, transformation/* edited by Barbara Evans Clements, Barbara Alpern Engel, Christine D. Worobec. – Berkeley, Los Angeles, Oxford: University of California Press, 1991. – P. 243–266.

Стаття надійшла до редакції 14.05.2012.

I. M. Miroshnichenko, H. V. Styazhkina

ABORTION POLITICS IN THE USSR IN 1920-30-TH YEARS: HISTORIOGRAPHY A QUESTION

In the present article the basic domestic and foreign literature devoted to abortion policy in Soviet Union of 1920 – 1930 years is analyzed. The features of analysis of this theme in soviet and modern historical science are described. The place of problem of abortion in demographic, socially-historical, gender researches and the specific of represent certain aspects are determined.

Key words: *abortion operation, birth rate, contraception, social policy, demographic processes.*